

БЛАГОДАТНЫЯ ПРОЯВЛЕНІЯ ПРИ ГРОБѢ ТОБОЛЬСКАГО МИТРОПОЛИТА ІОАННА МАКСИМОВИЧА.

Къ описанію*) жизни приснопамятнаго Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго Іоанна Максимовича, мы нашли нужнымъ съ благословенія Архипастыря нашего, Преосвященнѣйшаго Іустина епископа Тобольскаго и Сибирскаго, собрать имѣющіяся свѣдѣнія о тѣхъ благодатныхъ явленіяхъ при гробѣ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Іоанна, которыя нашими сибирскими историками—покойными о. протоіереемъ Сулоцкимъ и Н. А. Абрамовымъ, такъ сказать, явлены уже міру и оглашены въ печати.

Преосвященнѣйшій Владиміръ, епископъ Тобольскій и Сибирскій, будто бы велъ подробныя записи о Митрополитѣ Іоаннѣ Максимовичѣ, но таковыхъ нами не найдено и вѣроятно онѣ погибли навсегда; постараемся, по крайней мѣрѣ, сохранить то, что имѣемъ.

а) Въ 1798 г. 10 іюля изъ Барнаульскаго округа пріѣхали въ Тобольскъ двѣ женщины изъ крестьянскаго сословія, но достаточныя; одна пожилая, другая дочь первой, дѣвица лѣтъ 20, больная, изможденная. Пришедши въ соборъ, онѣ просили показать имъ мѣсто, гдѣ погребенъ Митрополитъ Іоаннъ, и въ придѣлѣ Іоанна Златоустаго просили служить еряду 6 недѣль литургіи. Когда же соборяне начали спрашивать о причинѣ такой дальней поѣздки и особеннаго усердія къ Митрополиту Іоанну; мать сказала слѣдующее: „Эта больная дочь пять лѣтъ находилась въ

*) Настоящая статья составляетъ заключит. главу ко вновь изданному описанію жизни митрополита Іоанна Максимовича.

в сумасшествіи; въ первые четыре года она обѣгала по тѣсамъ, билась, кричала, дралась, неистовствовала, сидѣла на цѣпи. Потомъ, по временамъ, стала приходить въ себя, и вотъ въ одну изъ такихъ минутъ, ни съ того, ни съ сего, просить меня ѣхать съ ней молиться въ Тобольскъ. Для чего же это? говорю я ей.— „Мнѣ являлся какой-то архіерей; онъ сказалъ, что я до тѣхъ поръ не выздоровѣю, покуда не помолюсь въ Тобольскѣ на его гробѣ“,— и тутъ рассказала, какой онъ и какая на немъ одежда,— ну, почти точь въ точь, какъ въ нашей приходской церкви написано Спасителю надъ царскими дверями. Я подумала, что это новый бредъ, тѣмъ болѣе, что не только дочь, но и мы—старики въ своей сторонѣ никогда не видывали архіереевъ,—такъ и оставила. Бѣдная дочь снова впала въ сумасшествіе и неистовство; только, вотъ, опять какъ то очувствовавшись, говорить, что являвшійся прежде архіерей явился ей въ другой разъ и уже не совѣтовалъ, а приказывалъ ѣхать въ Тобольскъ на богомолье надъ его гробомъ. Я рассказала объ этомъ старику мужу; но какъ и прежде, мы приняли слова дочери за бредъ; хотя нарочно ѣздили въ свою приходскую церковь и видѣли, что одежда на архіереехъ, какъ тописывала ее дочь, почти точь въ точь, что на Спасителѣ надъ царскими дверями. Съ дочерью опять случилось то же: ужасны были ея мученія! Чрезъ нѣсколько времени она въ третій разъ начала просить насъ ѣхать въ Тобольскъ; потому что, говорила она, Архіерей теперь уже грозилъ мнѣ наказаніемъ за неисполненіе его приказанія. Доколѣ мы мѣшкали, больная опять впала въ неистовство. Наконецъ собрались въ дорогу; дочь посадили въ повозку и связали; первый станціи едва вдвоемъ съ работникомъ могли мы держать ее; но чѣмъ далѣе ѣхали, тѣмъ она дѣлалась тише и тише. Теперь она въ разумѣ,—только, какъ видите, въ чемъ душа держится. Между слушавшими рассказъ старушки въ соборѣ находился и протоіерей кладбищенской церкви Вася Ося Кузнецовъ, тогда лишь кончившій курсъ семинарскаго ученія и еще исправлявшій въ то время должность соборнаго псаломщика. Литургіи въ придѣлѣ Іоанна Златоустаго въ теченіи шести недѣль были шѣты, тѣ двѣ женщины ходили и молились, наконецъ живую ѣхали. Происшествіе это, сначала составлявшее

предметъ разговоровъ, потомъ было забыто и, можетъ, навсегда оставалось бы въ забвеніи, если бы не возобновилъ его въ памяти слѣдующій случай: старшій братъ Вас. Ос. Кузнецова Иванъ (который, какъ и Вас. Ос., самъ лично видѣлъ двухъ описанныхъ выше женщинъ, такъ какъ по должности пѣвчаго стоялъ на клиросѣ) произведенъ былъ во священника и сдѣланъ присутствующимъ духовнаго правленія въ Барнауль. Въ 1806 году Вас. Ос. поѣхалъ къ нему въ гости. Когда собрался онъ въ обратный путь въ Тобольскъ, братъ изъявилъ желаніе проводить его верстъ 70, и, своротивъ съ большой дороги въ сторону, версты съ двѣ, завезъ его къ своему прихожанину, усердному и зажиточному крестьянину. Что же оказалось? Въ семействѣ крестьянина находилась та больная, которую въ 1798 году привозили въ Тобольскъ; только теперь она была въ полномъ умѣ и наслаждалась цвѣтущимъ здоровьемъ. Теперь она была уже за мужемъ, имѣла дѣтей, и вмѣстѣ со своими родными благословляла Бога, прославляя притомъ и святителя Іоанна Максимовича.

б) Въ ноябрѣ 1841 года пріѣхали въ Тобольскъ жена и дочь (дѣвица лѣтъ 15 или 16) бывшаго тогда Ишимскаго исправника г. Попова. Пригласивъ на квартиру къ себѣ (у казачьяго атамана Шубина) соборнаго ключаря, протоіерея Іак. Ив. Ласточкина, онъ просили чрезъ него соборянъ служить въ придѣлѣ Іоанна Златоустаго сряду 12 обѣднъ, и послѣ каждой — панихиду по Митр. Іоаниѣ Максимовичѣ, присовокупляя, что дѣвица во все это время будетъ говѣть и наконецъ пріобщится. Когда о. ключарь изъявилъ желаніе знать о побужденіи къ этому, госпожа исправница указала на свою дочь и та рассказала слѣдующее: „Три года я была больна; меня лѣчили, много истратили на это денегъ, но медицинскія пособія не только не облегчали болѣзни, а напротивъ какъ будто усиливали ее. Положеніе мое дѣлалось со дня на день опаснѣе; я впала въ горячку, и не могла уже вставать съ постели. Въ это-то время, при самомъ легкомъ снѣ, я увидѣла трехъ монаховъ, — одного въ бѣломъ клобукѣ и съ посохомъ, — а двухъ прочихъ, по сторонамъ его, въ мантияхъ, въ обыкновенной монашеской одеждѣ. Тотъ, который былъ въ бѣломъ клобукѣ, тронувъ меня посохомъ, сказалъ: „полно тебѣ искать помощи у однихъ земныхъ врачей;

пора обратиться и къ небесному; служи панихиды по Іоаннѣ Митрополитѣ“. Послѣ всего всѣ трое стали невидимы, и я проснулась; думаю о снѣ и чувствую—мнѣ гораздо легче, я могу дѣйствовать руками, нѣтъ боли въ головѣ; кличу маменьку и рассказываю ей о видѣніи. Скоро я и совсѣмъ оправилась. Сначала у насъ положено было ѣхать въ Тобольскъ тотчасъ при первой возможности; но день-за-день—папенька занять должность, маменька хлопотала по дому: проходить недѣля, двѣ, три и четыре; я снова заболѣла и отчаянно. Но однажды утромъ, когда изъ комнаты моей всѣ вышли,—(не знаю, спала ли я тогда, или нѣтъ; только я очень ясно видѣла) являются прежніе три монаха, (одинъ также въ бѣломъ клобукѣ и съ посохомъ, а прочіе въ прежнемъ монашескомъ платьѣ. Главный изъ нихъ сказалъ: „зачѣмъ ты не исполняешь моего совѣта? Непремѣнно поѣзжай въ Тобольскъ, проси отслужить въ придѣлѣ Іоанна Златоустаго 12 литургій и 12 панихидъ по Іоаннѣ Митрополитѣ; тамъ поговѣй, исповѣдайся и приобщись; въ противномъ случаѣ ты умрешь“. Съ этимъ, по прежнему, тотчасъ, всѣ стали невидимы. Я, за минуту бывши не въ состояніи даже шевелиться, почувствовала себя такъ хорошо, что сама встаю съ постели, иду къ маменькѣ и рассказываю ей о новомъ видѣніи. Какъ видите, теперь я совсѣмъ здорова“ (такъ и дѣйствительно, только была еще чрезвычайно блѣдна). Вотъ тутъ уже мы, присовокупивъ мать, ни мало не медля, поѣхали сюда и васъ просимъ исполнить нашъ обѣтъ. Просьба госпожъ Поповыхъ соборянами была исполнена, онѣ ходили и молились, дѣвица говѣла и, по исповѣди, на послѣдней изъ 12-ти литургій приобщилась Св. Таинъ. Потомъ обѣ онѣ отправились обратно*).

в) Въ 1847 году ученикъ Тобольской семинаріи, высшаго отдѣленія, впоследствии священникъ Томской епархіи Александръ Костылевъ сильно заболѣлъ перемежающеюся лихорадкою. Обращался онъ за пособіями сначала къ своему семинарскому лѣкарю, а потомъ и къ другимъ лѣкарямъ; лѣкарства, какія ему прописывали, онъ употреблялъ аккуратно; но помощи, облегченія болѣзни ни отъ кого и ни отъ чего ему не было; напротивъ болѣзнь его болѣе и болѣе усиливалась, и онъ былъ доведенъ ею

*) Странникъ 1864 г. стр. 34—37.

до крайняго изнеможенія. Наконецъ больной воспитанникъ Костылевъ рѣшился обратиться къ молитвенному ходатайству Митрополита Іоанна: онъ занялъ у хозяина квартиры рубль денегъ, и въ свободный отъ лихорадки день побрелъ въ соборъ къ вечерни и попросилъ очереднаго священника отслужить въ Златоустовскомъ придѣлѣ панихиду по погребенномъ тамъ Митрополитѣ Іоаннѣ. И что же? Слѣдующій по отслуженіи день панихиды былъ день лихорадки, но паровсизма не было; прошло еще нѣсколько дней, но болѣзнь болѣе не возвращалась и больной скоро совсѣмъ поправился.

г) Жившій на одной съ Костылевымъ квартирѣ товарищъ его, впоследствии также, какъ и онъ, священникъ Томской епархіи, Иванъ Ѳедоровъ, въ продолженіи 10 лѣтъ обученія въ училищѣ и семинаріи, каждомѣсячно подвергался жестокой головной боли на однѣ сутки. Бывши очевиднымъ свидѣтелемъ благодатнаго исцѣленія товарища своего послѣ панихиды по Митрополитѣ Іоаннѣ, онъ далъ обѣтъ во всю жизнь какъ въ домашней молитвѣ, такъ и въ молитвѣ церковной, въ свое время молить Бога о упокоеніи души раба Божія Митрополита Іоанна, „и съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ далъ этотъ священный обѣтъ“, заключаетъ самъ рассказывающій о своемъ исцѣленіи священникъ Ѳедоровъ, „я пользуюсь уже 18 лѣтъ (рассказъ его напечатанъ въ 1865 году) полнымъ здоровьемъ и мучительная головная боль у меня совершенно прекратилась“.

Подлинность обоихъ описанныхъ благодатныхъ исцѣленій достопочтенный іерей утверждаетъ свидѣтельствомъ Божиимъ, своею совѣстію и саномъ священства*).

д) Рожденный и воспитанный въ духовномъ званіи, я**), по благодати возрожденія, непоколебимо пребываю въ православной вѣрѣ и далеку мудрованій вѣка сего.

Во время проживанія моего на службѣ штатнымъ смотрителемъ училищъ въ городѣ Березовѣ Тобольской губерніи (1842—1850 г.), въ 1848 году 3 марта, въ среду, на второй недѣлѣ Св. четырехдесятницы, мнѣ было видѣніе иконы.

*) Странникъ 1870 г., стр. 347

**) Н. А. Абрамовъ—Сибирскій историкъ.

Я былъ здоровъ тѣлесно и въ здоровомъ размышленіи. Въ 6-мъ часу утра, послѣ пробужденія отъ сна, начало еще, какъ обыкновенно говорится, примаривать меня ко сну. Затѣмъ послѣдовалъ самый тонкій сонъ, во время котораго, какъ въ бодрственномъ состояніи, вижу: солнце свѣтитъ, и дѣйствительно свѣтило (окна дома не были заперты ставнями); изъ моей спальни чрезъ дверь, въ слѣдующей комнатѣ, въ правой сторонѣ, на стѣнѣ, а не въ переднемъ углу, гдѣ стояли иконы, — находится никогда прежде сего невиданная мною икона, приблизительно, длиною $1\frac{1}{2}$, шириною 1 аршинъ. На приклеенномъ къ доскѣ полотнѣ (какъ прежде большею частію писались иконы) изображены красками три Архіерея, въ облаченіяхъ; внизу во всю ширину иконы полотно съ красками, наискось, примѣрно отъ 6 до 3 вершковъ, отъ ветхости совсѣмъ уничтожилось, а выше сего отъ полотна висятъ нити; такъ что изображенія низа одеждъ и ногъ у Архіереевъ, — у первыхъ двухъ болѣе, а у послѣдняго менѣе, — уже не было, и эта нижняя часть доски была обнажена.

Въ домѣ, гдѣ я находился, не было никого: жена уже встала и была, по хозяйству, въ отдѣльной кухнѣ; прислуга — за своимъ дѣломъ. Смотри на эту икону, я сказалъ: это три святителя — Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ. Но лишь только кончилъ эти слова, вдругъ изъ третьей, дальней отъ меня комнаты, смежной съ тою, гдѣ казалась мнѣ икона, услышалъ я громкій и твердый голосъ кого-то невидимаго мнѣ: „нѣтъ! это не Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, а три святителя Тобольскіе“. Я подумалъ и спросилъ: кто произнесъ эти слова? — и услышалъ отвѣтъ: „Митрополитъ Іоаннъ“.

Этотъ громкій голосъ привелъ меня въ бодрственное состояніе и, отъ благоговѣнія къ Митрополиту Іоанну Максимовичу, возбудилъ во мнѣ душевное умиленіе; я въ мысляхъ повторилъ явленіе и глаголаніе, чтобы оно не вышло у меня изъ памяти (чтобы не заспать его). Послѣ этого вдругъ легкій, тонкій сонъ опять нашелъ на меня, и бывшее явленіе иконы и голосъ совершенно тожественно повторились.

Свидѣтельствую Богомъ — Судіею праведнымъ, что это видѣніе иконы и слышаніе голоса есть истина, а не вымыселъ; я

знаю, что, по словам Спасителя нашего: *всяко слово праздно, еже аще рекуть человецы, воздадутъ о немъ слово въ день судный* (Матѣ. 12, 36).

Единому Господу извѣстно, чему приписать это явленіе иконы и голосъ: тому ли, что девять, предшествовавшихъ дней мысли мои были заняты составленіемъ жизнеописанія Сибирскаго Митрополита Іоанна Максимовича, или другой причинѣ, болѣе священно-важнѣйшей. Но о числѣ трехъ святыхъ Тобольскихъ Архіереевъ я прежде никогда и ни отъ кого не слышалъ, не зналъ и не размышлялъ. Кто же бы эти три святителя? Въ Тобольскѣ, за святость жизни, кромѣ Архіепископа Нектарія (1636—1640 г.), погребеннаго въ пустынь Нила Столобенскаго, ублажаются Митрополиты: Іоаннъ Максимовичъ (1711—1715 г.), схимонахъ Теодоръ (Митроп. Филофей Лещинскій (1702—1711), потомъ управлявшій епархіею во второй разъ 1715—1727 г.), преставившійся и покоющійся въ Тюменскомъ Троицкомъ монастырѣ и Архіепископъ Варлаамъ I Петровъ (1768—1802 г.). Въ прошломъ 1864 году изъ „Странника“ узналъ я, что одной больной дѣвицѣ въ разное время, два раза являлся Митрополитъ Іоаннъ Максимовичъ съ двумя духовными лицами въ монашеской одеждѣ.

Что означаетъ на видѣнной мною иконѣ уничтожившееся отъ ветхости полотно наискось, на которомъ было изображеніе низа одеждъ и ногъ святителей у двоихъ болѣе, а у послѣдняго гораздо менѣе? Не время ли послѣдовательности архіерейскаго ихъ служенія, благочестивой жизни и отшествія въ вѣчность: первыхъ двухъ прежде, третьяго послѣ? Икона, мною видѣнная, стояла не въ переднемъ углѣ комнаты, гдѣ были иконы, но отдѣльно, — не потому ли, что видѣнные три святителя еще не прославлены открытіемъ?

Прошло болѣе девяти лѣтъ послѣ этого необыкновеннаго мнѣ явленія. Время отъ времени я откладывалъ объявить объ немъ письменно епархіальному начальству; но страшась долѣе молчать, да не взыщеть на мнѣ за это Господь, дивный во святыхъ своихъ, я поэтому *впробавъ, тѣмже возлагаю* (Псал. 115, 1) — написалъ о семъ видѣннѣи Высокопреосвященнѣйшему Θεогносту, Архіепископу Тобольскому и Сибирскому. Велѣдствіе сего, Его

Высокопреосвященство, отъ 14 февраля 1858 года за № 380, почтилъ меня Архипастырскимъ писаніемъ, что письмо мое о Митрополитѣ Іоаниѣ Максимовичѣ онъ передалъ въ соборную ризницу, для приобщенія къ прочимъ свѣдѣніямъ, (какія объ немъ тамъ имѣются*).

е) Въ 1808 г. въ лѣтнюю пору, часовъ въ 12 или въ 1 ночи, часовой на гауптвахтѣ (которая въ то время находилась подлѣ воротъ старыхъ присутственныхъ мѣстъ, слѣдовательно близъ собора и придѣла Іоанна Златоустаго), увидѣлъ въ соборѣ свѣтъ, и подумалъ, не горитъ ли тамъ. По его указанію, товарищи подошли къ самому собору и увидѣли тоже, да сверхъ того услышали еще и пѣніе. Дивясь этому безвременному пѣнію и освѣщенію въ соборѣ, солдаты сообщили объ этомъ ближайшему своему начальству, а тотъ — офицеру. Офицеръ, взявъ часть команды, пошелъ посмотрѣть караульнаго, что ходилъ подлѣ соборной ризницы и малаго входа въ соборъ, и спросилъ его, не пропустилъ ли онъ кого въ соборъ, и, услышавъ, что нѣтъ, и что съ его стороны замокъ у входа въ соборъ совершенно цѣлъ, — поднялся съ подкомандуемыми на соборныя окна, и увидѣлъ не только освѣщеніе, но и Архіерея въ полномъ облаченіи и съ сослужащими какъ бы священнодѣйствующимъ. Разставивъ по солдату или по два ко всѣмъ дверямъ собора, офицеръ тотчасъ далъ знать о необыкновенномъ явленіи въ архіерейской домъ. Экономъ, казначей и другіе, думая, что въ соборѣ пожаръ, поспѣшили къ соборному сторожу взять у него ключи; но того на бѣду не было дома, т. е. въ тепломъ соборѣ, гдѣ ему, по обычаю того времени, надлежало ночевать. Приказано было сбить замокъ; народъ, котораго между тѣмъ сбѣжалось уже не мало, ворвался вслѣдъ за должностными лицами въ соборъ; но никто и ничего не видалъ и не слышалъ, только вбѣжавшіе въ соборъ первыми, увѣрили послѣ, что они застали съверныя двери, — именно тѣ, которыя ведутъ въ алтарь придѣла Іоанна Златоустаго и къ мѣсту погребенія Митрополита Іоанна, — растворенными, и оттуда обоняли благовонный запахъ, тогда какъ эти двери съ вечера, на глазахъ

*) При памятной книгѣ Собора этого письма нѣтъ. Странникъ 1865 г. стр. 129.

ключаря, были заперты, да и тутъ оказались запертыми. Къ сожалѣнію, ключарю, которымъ въ то время былъ священникъ Кузнецовъ (что впоследствии вышеупомянутый протоіерей кладбищенской церкви), дали знать о тревогѣ въ соборѣ слишкомъ поздно, часу въ 3-мъ. Пришедши, онъ засталъ только одну сумятицу; двери всѣ растворенныя, всѣ суетились и ничего не дѣлали, всѣ толковали, но такъ, что долго нельзя было добиться толку. — Свѣтъ въ соборѣ и придѣлѣ въ необычайную пору, т. е. ночью, по рассказамъ жителей Тобольска, неоднократно видали и въ другое время*).

Святая и богоугодная жизнь приснопамятнаго Митрополита Іоанна Максимовича, дивная его кончина и благодатныя знаменія при гробѣ, въ жителяхъ Сибири вообще и въ особенности у Тобояковъ проливаютъ надежду на то, что этотъ свѣтильникъ не всегда будетъ сокрытымъ, но, если благоизволитъ Господь Богъ, будетъ поставленъ и на свѣщницѣ, да вси видятъ и прославятъ Отца небеснаго.

И еще разъ, изъ глубины души, возопіимъ: Упокой, Господи, во царствіи Твоемъ приснопамятнаго Митрополита Іоанна и молитвами его помилуй насъ грѣшныхъ!

Ключарь собора, священникъ Н. Скосыревъ.